Хранитель персиков

Автор:
Сара Аллен

Хранитель персиков

Сара Эдисон Аллен

Уилла Джексон в школе слыла сорвиголовой, однако давно остепенилась. Роль хозяйки скромного магазина в родном городке вполне ее устраивает, и излишние волнения ей ни к чему. Но в один прекрасный день покой Уиллы нарушает ее бывшая одноклассница Пэкс Осгуд, самая богатая женщина в городе: она присылает Уилле приглашение на праздничный вечер, который состоится в роскошном особняке. Когда-то дом принадлежал семейству Джексон, его построил еще прапрадед Уиллы, однако в 1930-х Джексоны разорились, а особняк выкупили Осгуды. Уилле безумно хочется пойти на торжество, но она сомневается, и у нее есть на то причины. Этот дом с привидениями, который много лет стоял заброшенным, одновременно притягивает и отталкивает ее: где-то здесь похоронена тайна прошлого, связывающая семьи Джексон и Осгуд.

Впервые на русском языке!

Сара Эдисон Аллен

Хранитель персиков

Sarah Addison Allen

THE PEACH KEEPER

© Е. И. Клипова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Мишель Питтмен и Хайди Гиббс, благодаря которым я знаю, что такое истинная дружба

Глава 1. Игра в прятки

В тот день, когда Пэкстон Осгуд отвезла на почту коробку с конвертами – все из плотной бумаги, с подкладкой из фольги и адресами, выведенными просто каллиграфическим почерком, – разразился ливень и город надолго скрылся за плотным белым занавесом. К ночи реки вздыбились, угрожая выйти из берегов, и, впервые с 1936 года, корреспонденция так и не попала к адресатам. Когда земля подсохла, из подвалов откачали воду, а с улиц и дворов убрали ветки, пригласительные билеты были наконец-то доставлены – но не в те дома. Соседи через забор передавали послания законным получателям, со смехом замечая, что погода совсем обезумела, а почтальон не в меру рассеян. На следующий день к врачу обратилось невиданное количество пациентов с распухшими пальцами: мало кому удалось вскрыть слипшийся намертво конверт и не порезаться. Вскоре стало казаться, что приглашения ведут себя, как им заблагорассудится, исчезая и появляясь в самых невероятных местах. Миссис Джемесон искала свое целых два дня и нашла в птичьем гнезде. Пригласительный билет для Харпер Роули очутился на церковной колокольне, а для мистера Кингсли – в садовом сарае его старой матери.

Любой человек, присмотрись он повнимательнее, тотчас разгадал бы эти знаки: за окном побелело – готовься к переменам; порезался бумагой – читай между строк, ибо истинный смысл написанного скрыт от глаз; а птицы всегда оберегают нас от незримой опасности.

Но никому не было дела до знамений. В особенности Уилле Джексон.

Приглашение уже вторую неделю пылилось на полке в дальнем углу ее магазина. Получив конверт с почтой, Уилла с любопытством взяла его в руки, но тут же отбросила, словно ошпарившись. Больше она к нему не притрагивалась и только хмурилась, проходя мимо.

В то утро Рейчел не выдержала и раздраженно сказала:

– Да открой ты его, наконец.

Уилла обернулась: Рейчел Эдни стояла за стойкой кофейни в конце зала. Коротко стриженная брюнетка, в брюках по щиколотку и спортивной майке, она была похожа на скалолаза-любителя. Уилла ей тысячу раз говорила, что вещи из их магазина носить вовсе необязательно, – сама Уилла редко изменяла джинсам и ботинкам, – но Рейчел упрямо считала, что явиться сюда в любой другой одежде будет сродни предательству.

– Ну вот еще. С какой стати? – ответила Уилла, решив, что самое время рассортировать недавно прибывшую партию футболок.

Возможно, за повседневной работой она отвлечется от этого странного, неясного предчувствия, которое снова охватило ее при мысли о приглашении. Нечто подобное она часто испытывала в юности, прежде чем выкинуть очередной глупый фокус. Но ведь все фокусы давно остались в прошлом. Уилла позаботилась о том, чтобы в настоящем у нее не было поводов для беспокойства. Выходит, она что-то упустила.

– Ты ужасно высокомерная, – упрекнула ее Рейчел.

Уилла рассмеялась:

– Самая богатая женщина в городе устраивает грандиозный прием, а высокомерной при этом оказываюсь я – всего лишь потому, что не хочу распечатывать конверт с ее приглашением?

– В тебе нет ни капли уважения к этим людям, любой их поступок для тебя – самодурство.

– Так оно и есть.

– Просто в душе ты хочешь быть одной из них, но боишься себе в этом признаться, – заявила Рейчел, надевая зеленый фартук с вышитой желтыми нитками надписью «О Натюрель: спорттовары и кафетерий».

Несмотря на то что Рейчел была на восемь лет моложе, Уилла обычно прислушивалась к словам подруги. Для двадцатидвухлетней девушки та рассуждала на удивление зрело. Она успела поколесить по миру и неплохо разбиралась в людях. В Уоллс-оф-Уотер[1 - Walls of water – стены из воды (англ.).] она осела лишь потому, что влюбилась в здешнего парня. Рейчел всегда говорила: у любви свои планы на наш счет.

Но поддерживать эту беседу Уилле не хотелось. Рейчел все равно не поймет. Она вечно кочует, нигде не пуская корней, а сама Уилла в Уоллс-оф-Уотер с рождения. Она знает, как устроен этот городок, по каким хитрым законам он существует и почему в нем происходит то, что происходит. Навряд ли возможно объяснить это чужакам. И Уилла в который уже раз прибегла к отвлекающему маневру:

– А что у нас сегодня в меню? Пахнет волшебно.

– Супервкуснятина, я сама в восторге. – Рейчел начала перечислять, картинно указывая рукой на стеклянную витрину со сластями. – Фруктово-ореховая смесь с обжаренными кофейными зернами в шоколаде, овсяное печенье в шоколадной глазури и шоколадно-кофейные брауни.

Кафе некоторое время не работало, но около года назад Уилла отдала его на откуп Рейчел, разрешив включить в меню сласти, содержащие кофе, и эта задумка полностью себя оправдала. Теперь каждое утро Уиллу окутывал изумительный, колдовской аромат свежесваренного кофе и шоколада, и ей

казалось, будто она попала в какое-то сказочное место, где наконец-то можно спрятаться от окружающего мира.

Магазинчик Уиллы, торгующий в основном спортивной одеждой из экологически чистых тканей, стоял на Нэшнл-стрит, которая вела в самое сердце Голубого хребта – в Национальный заповедник Катаракт, известный своими дивными водопадами. Нэшнл-стрит представляла собой длинную вереницу лавочек, продающих всякую всячину для туристов, и именно здесь Уилла нашла свое место под солнцем. Ее не интересовали экскурсии, ночевки в палатках и прочие увлечения, приносившие доход городу. Просто среди таких же продавцов, как она сама, в окружении незнакомых лиц ей было намного уютнее, чем среди друзей юности. Если уж ей никуда не деться из Уоллс-оф-Уотер, то она предпочитает жить здесь, а не по соседству с этими лощеными толстосумами.

Все магазины располагались в старинных домах, построенных более века назад – в ту пору, когда Уоллс-оф-Уотер был крошечным городком, промышлявшим заготовкой леса. В них еще сохранились потолки из жестяных плит и деревянные полы. Половицы, сплошь покрытые царапинами, пожелтели от времени. Стоило их чуть потревожить, и они отзывались недовольным скрипом, будто иссохшие старушечьи кости. Вот и сейчас Уилла сразу поняла, что у нее за спиной появилась Рейчел.

Она обернулась: Рейчел протягивала ей ненавистный конверт.

– Открывай.

Уилла заставила себя взять конверт в руки. Он оказался пухлым и необыкновенно приятным на ощупь, словно был сделан из бархата. Уилла решительно его надорвала – все что угодно, лишь бы девчонка отстала! – и в ту же секунду зазвенел дверной колокольчик. Они дружно подняли головы, готовые приветствовать покупателей.

Но никого не увидели.

– Аж мурашки по телу, – поежилась Рейчел.

– Бабушка бы сказала, что это призрак мимо пролетел.

Рейчел презрительно фыркнула:

– Глупые суеверия! Их придумали мужчины, чтобы объяснять то, что выше их понимания.

– Благодарю за познавательную справку.

– Ну же, не тяни! – Рейчел нетерпеливо ткнула Уиллу локтем в бок. – Что там?

Уилла вынула из конверта пригласительный и прочитала:

12 августа 1936 года несколько женщин из городка Уоллс-оф-Уотер, штат Северная Каролина, объ-единились в группу по интересам, которая положила начало самому влиятельному общественному клубу в наших краях. Сегодня клубом осуществляются сбор пожертвований, финансирование местных культурных мероприятий и ежегодная выдача стипендий.

Так как Вы или представители Вашей семьи состояли в Женском общественном клубе, его нынешние члены с огромной гордостью приглашают Вас на торжество, посвященное 75-летнему юбилею этой выдающейся организации.

Вот уже три четверти века мы трудимся ради всеобщего блага – отпразднуйте это вместе с нами!

Мероприятие состоится 12 августа в 19:00 в «Хозяйке Голубого хребта», которая впервые откроет двери после реставрации.

Просьба выслать ответ Пэкстон Осгуд, президенту клуба. Карточка для ответа прилагается.

– Ну вот, видишь? – раздался у Уиллы над ухом голос Рейчел. – Все не так страшно.

– Поверить не могу, что Пэкстон устраивает свою вечеринку в «Хозяйке Голубого хребта». Это надо же до такого додуматься.

– Да ладно тебе. Я бы все на свете отдала, чтобы попасть в этот дом. И ты тоже.

– Я не пойду.

– Как это – «не пойду»? Между прочим, твоя бабушка…

– …помогла основать клуб, – закончила за нее Уилла. – Я помню. – Она положила пригласительный билет на стол и уточнила: – Бабушка, а не я.

– Но ведь это история вашей семьи, а значит, и твоя тоже!

– Ко мне все это не имеет никакого отношения.

Рейчел беспомощно развела руками:

– Ладно, сдаюсь. Кофе будешь?

– Буду, – ответила Уилла, радуясь, что разговор окончен. – С соевым молоком и двумя ложками сахара, пожалуйста.

За последнюю неделю Рейчел пришла к выводу, что кофе может многое рассказать о человеке, и занялась серьезным исследованием. Правда ли, что любители черного кофе крайне неуступчивы, а у тех, кто пьет этот напиток с молоком, но без сахара, напряженные отношения с матерью? Результаты своих наблюдений Рейчел прилежно заносила в блокнот, который хранила под барной стойкой, а Уилла втихомолку посмеивалась над ней, каждый день нарочно заказывая что-нибудь новое.

Рейчел вернулась в бар, достала блокнот и записала заказ подруги.

– Хм, ну надо же, – пробормотала она с таким серьезным видом, будто теперь ей наконец стало ясно, что за птица Уилла Джексон.

– То есть ты не веришь в призраков, но считаешь, что по кофе, который я пью, можно судить о моем характере?

– Не путай суеверие с наукой.

Уилла покачала головой и снова принялась за сортировку футболок, стараясь не замечать лежащее на столе приглашение. Это было непросто: оно постоянно привлекало ее внимание, чуть подрагивая, словно его ласкал легкий ветерок.

Уилла не выдержала и набросила на него футболку. С глаз долой – из сердца вон.

Вечером после закрытия магазина Рейчел умчалась к своему парню: они собирались побродить по лесу и подышать свежим воздухом. Тоже мне поклонники здорового образа жизни! В знак протеста Уилла схватила с витрины брауни и с наслаждением его умяла. Потом она села в свой джип, намереваясь отправиться домой и затеять стирку. Стирка по средам превратилась в традицию, это было событие, которого Уилла иногда с нетерпением ждала всю неделю.

Да, ее жизнь не отличалась разнообразием, но зато и не подбрасывала неприятных сюрпризов. Как говорил отец, в тридцать лет все так живут – это и называется быть взрослым.

Но вместо прямой дороги до дома Уилла выбрала свой любимый окольный путь через Джексон-Хилл. Вести машину по крутому склону вверх было тяжело и временами даже опасно, но только так она могла добраться до вершины холма, где стоял построенный еще до войны особняк, который местные жители окрестили «Хозяйкой Голубого хребта». С тех пор как почти два года назад началась его реставрация, Уилла часто наведывалась сюда, втайне от всех, и наблюдала за его преображением.

В прошлом «Хозяйку» не раз пытались облагородить, но, после того как очередной подпольный застройщик исчез, ничего толком не сделав, попытки прекратились, и в течение долгих лет дом был заброшен. Когда семья Осгуд выкупила его, он уже настолько обветшал, что разваливался на глазах. Теперь почти полностью восстановленный особняк превратился в мини-гостиницу с банкетным залом. Фасад вновь украшали широкие белые колонны, благодаря которым особняк напоминал творение античного архитектора. На нижнем ярусе портика висела внушительная антикварная люстра, а на верхнем стояли

чугунные стулья. Больше всего Уиллу поражали окна: раньше все они зияли разбитыми стеклами или были заколочены, и потому сейчас их количество казалось просто невероятным. «Хозяйка Голубого хребта» навевала мысли о старом Юге и его плантаторских усадьбах, где женщины в пышных платьях секретничали, обмахиваясь веерами, а мужчины в черных фраках обсуждали цены на хлопок.

Особняк этот построил в начале XIX века прапрадед Уиллы, основатель ныне канувшего в лету «Лесозаготовительного предприятия Джексона». Это был его свадебный подарок молоденькой жене – красивой, изящной девушке, наследнице одного из знатных семейств Атланты. Она полюбила дом, который считала достойным себя, но Уоллс-оф-Уотер, этот невзрачный городок, сиротливо ютившийся среди вечно сырых зеленых склонов, возненавидела всей душой. Она устраивала изысканные балы в надежде привить здешним простакам великосветские манеры, но все безуспешно. Тогда миссис Джексон решила действовать по-другому: не создавать здесь высшее общество, а пригласить его к себе. Она уговорила друзей из Атланты навестить ее в Уоллс-оф-Уотер, а после – и обосноваться здесь. Она расписывала прелести этого места, называя его райским уголком, и, хотя в словах миссис Джексон не было искренности, ей охотно верили. Красивые, недовольные судьбой женщины обладают особыми чарами.

Так в этом крошечном городишке, примостившемся среди водопадов Северной Каролины и населенном в основном суровыми работягами, сложилась богатая верхушка из нескольких семейств. Они не знали счета деньгам, совали нос в чужие дела и на все имели собственное мнение, которое неизменно упрямо отстаивали. И конечно же, чужаки никому не нравились. Однако именно эти семьи спасли город, когда правительство скупило все леса в округе и превратило их в национальный заповедник, тем самым подписав смертный приговор местной промышленности.

Ирония заключалась в том, что Джексоны, одно из самых знатных семейств, которое обеспечивало работой почти всех жителей города, обанкротились. Воспоминания о былом положении и былых доходах еще некоторое время поддерживали в них боевой дух, но вскоре выплачивать налоги стало не с чего, и Джексонам пришлось покинуть «Хозяйку Голубого хребта». Почти все они разъехались кто куда, но Джорджи Джексон, бабушка Уиллы, осталась в Уоллс-оф-Уотер. Семнадцатилетняя Джорджи была не замужем и ждала ребенка. Она устроилась горничной к Осгудам, с которыми ее семья когда-то тесно дружила.

Уилла припарковалась на обочине, у съезда к особняку. Она всегда подгадывала момент, когда у строителей заканчивался рабочий день и на холме уже не было ни души. Выйдя из машины, Уилла взобралась на капот и уселась, прислонившись спиной к лобовому стеклу. Стоял конец июля – самая удушливая часть лета, – и разгоряченный воздух наполняло беспрестанное гудение и жужжание насекомых. Уилла надела темные очки, чтобы уберечь глаза от лучей заходящего солнца, и погрузилась в созерцание картины перед собой.

Картина между тем была уже почти завершена. Оставалось лишь привести в порядок окружающий ландшафт, чем рабочие, по-видимому, как раз сегодня и занялись. Уилла обрадовалась: наконец что-то новенькое! Землю перед домом разметили на квадраты, вбив деревянные колья и натянув между ними веревку, а на траве то тут, то там виднелись разноцветные пятна краски, предупреждавшие, что в этих местах под землей проложены трубы и копать здесь нельзя. Основная деятельность, однако, развернулась не возле особняка, а у единственного на холме дерева.

Оно росло на левом склоне, у самого обрыва, широко раскинув ветви с пучками длинных тонких листьев. Когда на закате солнце пронизывало крону, создавалось впечатление, будто это человек, который вот-вот прыгнет со скалы в океан. Сейчас ветки были перехвачены пластмассовыми шнурами, а неподалеку стоял экскаватор.

Неужели дерево срубят?

Но почему? Ведь оно совершенно здорово.

Ну да Осгудам виднее. Всем известно, какой у них отличный вкус. Благодаря им «Хозяйка Голубого хребта» скоро вновь станет местной достопримечательностью.

А ведь Рейчел нынче утром не ошиблась: Уилле действительно безумно хотелось попасть в особняк. Но она считала, что не имеет на это права: «Хозяйка» с тридцатых годов прошлого века не принадлежит более ее семье, и даже просто наблюдать за домом с такого близкого расстояния – все равно что вторгаться на чужую территорию. Но Уилле нравилось ощущать себя нарушителем границы. И это было одной из причин, по которой она приезжала сюда. Много лет назад у подростков существовал особый ритуал посвящения:

хочешь играть с нами – заберись в заброшенный дом на холме. Но Уилле не хватало смелости даже на то, чтобы заглянуть в окно особняка. А ведь в детстве она была отъявленной хулиганкой и обожала над всеми подшучивать. Она устраивала такие гениальные розыгрыши, что никто до последнего не догадывался, чьих это рук дело. Она слыла настоящей легендой, ей даже прозвище дали – Шутник средней школы Уоллс-оф-Уотер. Но с этим домом Уилле совсем не хотелось шутить. Он притягивал ее – и отталкивал одновременно. Как и сейчас. Ребята, отважившиеся принять вызов, хвастались историями про таинственные шаги, хлопающие ни с того ни с сего двери и шляпу, плывущую по воздуху, будто в ней прогуливается невидимка. Наверное, поэтому Уилла и старалась держаться от особняка подальше: призраки – спасибо бабушке – всегда наводили на нее ужас.

Уилла приподнялась, достала из заднего кармана джинсов приглашение и еще раз его перечитала. Дойдя до просьбы выслать ответ, она снова заглянула в конверт и, вынув из него карточку, с удивлением обнаружила на ней стикер с текстом:

Уилла!

Кроме наших бабушек, никого из основательниц клуба уже нет в живых. Поэтому мне бы очень хотелось устроить для них обеих что-нибудь особенное. Позвони мне – подумаем вместе.

Пэкс

Этот изящный почерк Уилла помнила еще со школьных времен. Однажды в коридоре она подобрала исписанный лист бумаги, который обронила одноклассница. Содержание оказалось довольно странным: Пэкстон подробно перечисляла, какими качествами должен обладать ее будущий муж. Уилла снова и снова пробегала глазами слова, стараясь запомнить написание каждой буквы, все наклоны и закорючки. Через несколько месяцев она уже без труда могла копировать почерк Пэкстон и, естественно, не стала терять времени даром. Очередная шалость Уиллы закончилась тем, что великосветской задавале Пэкстон Осгуд – Недотроге, как все ее называли, – пришлось пережить не самое приятное объяснение с Робби Робертсом, местной туповатой версией донжуана, который подумал, что Пэкстон прислала ему любовное письмо.

Шутник средней школы Уоллс-оф-Уотер снова нанес удар.

– Красиво, правда?

От неожиданности Уилла чуть не свалилась с капота. Сердце бешено заколотилось о ребра. Приглашение выпало из рук и, подхваченное ветром, понеслось в ту сторону, откуда раздался голос. Уилла повернула голову: справа, в нескольких метрах от джипа, стоял мужчина.

На нем были темные брюки, из кармана которых торчал синий галстук с «огуречным» узором. Белая рубашка намокла от пота, лоб и шею облепили русые пряди. Глаза скрывались за зеркальными очками. Приглашение легонько ударилось о грудь незнакомца и беспомощно затрепетало, напоминая бьющуюся о стекло бабочку. Снимая листок с рубашки, он устало улыбнулся, словно меньше всего на свете ему сейчас хотелось отмахиваться от летающих пригласительных билетов. Это был знак. Непонятно какой, но точно знак. Бабушка всегда так говорила, когда случалось что-то необычное, а потом приказывала Уилле постучать три раза по дереву, повернуться вокруг себя или положить на подоконник каштаны и монетки.

Незнакомец снял очки и посмотрел на Уиллу. На его лице промелькнуло странное выражение.

– Да это и правда ты.

Уилла в изумлении уставилась на него – и вдруг до нее дошло. Вот черт. Ну почему, почему ее застал здесь не кто-нибудь, а один из них? Не помня себя от унижения, девушка соскользнула с капота и запрыгнула в машину. Теперь ясно, что это был за знак: беги отсюда со всех ног и не оглядывайся.

– Постой, – донеслось до нее сквозь шум двигателя.

Ну уж нет. Уилла изо всех сил вцепилась в руль, резко сдала назад, и через мгновение ее джип исчез в облаке пыли.

Глава 2. Шепот невидимки

Пэкстон Осгуд допоздна засиделась в информационном центре, разбирая бумаги, и, когда она отправилась домой, на улице уже сгустились сумерки. Фонари вдоль дороги зажигались один за другим, и их тусклые огни мерцали во мгле, как огромные сонные светлячки. Остановившись у родительского коттеджа, Пэкстон вышла из машины. Если все сложится удачно, до заседания клуба она еще успеет искупаться.

Лишь бы только ее не заметили. Она потратила уйму времени, пытаясь спланировать ежедневные дела так, чтобы не попадаться родителям на глаза. Впервые мать с отцом раздражали, их присутствие действовало на нервы, и Пэкстон не понимала, как ей следует себя вести. Еще недавно она вполне мирно уживалась с ними под одной крышей. Ее «сестры» по студенческому сообществу в Тулейн-ском университете, на встречи с которыми Пэкстон регулярно летала в Новый Орлеан, всегда удивлялись, почему она до сих пор не съехала. Подруги никак не могли взять в толк, зачем после выпуска Пэкстон вообще вернулась в отчий дом, ведь она могла позволить себе любое жилье – с такими-то деньгами. Пэкстон не знала, что им ответить. Она всем сердцем любила Уоллс-оф-Уотер. У них была общая история, и ей нравилось думать, что она делает для родного города что-то значимое. Здесь ее душа пела, здесь было ее, Пэкстон, место. А поскольку Колин, ее брат-близнец, вечно пропадал в командировках, причем не только по стране, но и далеко за ее пределами, Пэкстон рассудила, что будет справедливо, если хотя бы один из детей останется с родителями.

Тем не менее в прошлом году, незадолго до неумолимо приближающегося тридцатилетия, Пэкстон твердо решила жить отдельно. Ее подруга Кирсти Лемон, подрабатывающая риелтором, как раз продавала дом, который находился всего в 6,3 мили от «Ореховой рощи» – так назывался коттедж Осгудов. Кирсти лично измерила это расстояние с помощью одометра в своей машине и пыталась убедить родителей Пэкстон, что это оптимальный вариант: ничего лучше и ближе им не найти. Однако мать Пэкстон не на шутку расстроилась, ведь с отъездом дочери их несуразному, но такому уютному мирку пришел бы конец, и Пэкстон отказалась от своей затеи. Но она все равно съехала в некотором смысле: перенесла свои вещи в домик у бассейна. Не такие уж и кардинальные перемены, но ведь все большое начинается с малого.

В домике ей дышалось свободнее, но, увы, чтобы попасть в него, нужно было пройти через главное здание, а значит, неизбежно столкнуться с родителями и получить от матери очередную порцию замечаний. Та по любому поводу читала

нотации, не оставляя без внимания даже продукты, которые покупала дочь, и от этого Пэкстон порой бывало так тошно, что она мечтала лишь об одном: поставить на кухонный стол большую коробку с пончиками и есть их, когда ей вздумается, не слыша упреков в свой адрес.

Она поднялась на крыльцо коттеджа. «Ореховой рощей» тот назывался потому, что вокруг, по всей огромной территории, которая принадлежала Огсвудам, росли ореховые деревья. Осенью задний двор покрывался сплошным ковром из листьев такой пронзительной желтизны, что в любое время казалось, будто за окном светит солнце. Сбитые с толку птицы не могли отличить день от ночи и пели сутками напролет, пока в изнеможении не падали на землю.

Пэкстон осторожно отперла дверь и так же осторожно закрыла ее за собой. Мать с отцом наверняка сидят в гостиной и смотрят очередной сериал. Она на цыпочках прошмыгнет на кухню, а оттуда, через стеклянные двери, – на улицу. Родители ее даже не заметят.

Пэкстон сделала шаг вперед – и тут же врезалась в какой-то чемодан. Потеряв равновесие, она рухнула на мраморный пол прихожей, выставив перед собой руки. Ладони мгновенно запылали от боли.

– Что там за шум? – всполошилась мать.

Со стороны гостиной послышались торопливые шаги.

Пэкстон приподнялась: содержимое сумки валялось на полу, включая все ее списки. Пэкстон запаниковала. Ведь списки – это ее тайна, никто не должен их видеть. Едва только девушка успела собрать бумаги и снова засунуть в сумку, как над ее ухом раздался голос матери:

– Пэкстон! Ты цела?

– Угу. – Она встала, отряхивая одежду.

– Колин, бога ради, убери ты куда-нибудь эти чемоданы!

– Я хотел отнести их в домик у бассейна, но его заняла Пэкстон.

Колин вернулся! Пэкстон кинулась в объятия брата.

– А мы тебя раньше пятницы и не ждали!

Пэкстон спрятала голову у него на груди и закрыла глаза. Как же с ним спокойно и хорошо! Ей хотелось рыдать от счастья. Однако уже через секунду она так разозлилась, что была готова ударить Колина. Если бы братец бросил постоянно мотаться бог знает куда и жил с ними, ей бы не пришлось сражаться с родителями в одиночку!

– Проект закончился быстрее, чем я думал, – ответил Колин.

Он окинул сестру восхищенным взглядом:

– Шикарно выглядишь, Пэкс. Пора тебе съехать отсюда и найти себе мужа.

– Ну уж нет, никакого мужа! – вмешалась их мать, София. – Ты знаешь, с кем она встречается? С Себастианом Роджерсом!

– Мама, я с ним не встречаюсь – мы просто друзья.

– Себастиан Роджерс, – повторил Колин и вопросительно посмотрел на Пэкстон. – Мы вместе в школе учились, да? Такой женоподобный парнишка в длинном лиловом пальто?

– Он самый, – подтвердила мать с довольным видом, как будто Колин в чем-то с ней согласился.

Лицо Пэкстон окаменело.

– У него больше нет лилового пальто. Он, между прочим, работает стоматологом.

Колин на мгновение замешкался, подыскивая новую тему для разговора.

– Отнесу-ка я чемоданы наверх, в комнату для гостей.

– Не говори глупостей. Ты отнесешь их в свою старую комнату. В ней ничего не изменилось, – возразила София и, схватив мужа за руку, воскликнула: – Дональд, наши малютки снова с нами! Разве это не чудесно? Принеси же шампанского!

Тот кивнул и, ни слова не говоря, ушел.

Отец уже давно передал бразды правления матери. Все решения в семье принимала София, а Дональд молчаливо с ней соглашался и почти не появлялся дома, пропадая на поле для гольфа. Хотя Пэкстон прекрасно знала характер матери и разделяла ее принцип «хочешь сделать хорошо – сделай сама», она удивлялась тому, как спокойно София относилась к отсутствию мужа. Неужели брак – это лишь союз двух деловых партнеров и не более того?

– Я ненадолго, – сказала Пэкстон. – Прости, Колин. У меня сегодня заседание клуба.

Брат тряхнул головой:

– Все нормально. Позже увидимся. У меня тоже кое-какие дела в городе.

София убрала со лба сына непослушные волосы:

– Не успел приехать – и снова куда-то убегаешь?

Колин ухмыльнулся:

– Но ты уже не можешь посадить меня под замок, как раньше. Представляю, как это тебя бесит.

– Ой, да будет тебе, – ласково пожурила его София и направилась в кухню, делая детям знак следовать за ней. Бриллиантовый браслет, украшавший ее холеную руку, загадочно вспыхивал на свету, словно мать пыталась заворожить их этим зрелищем.

Когда она ушла достаточно далеко, Пэкстон вздохнула:

– Слава богу, ты здесь. Может, пора уже вернуться насовсем?

– И променять прекрасные безумства молодости на скучную степенную жизнь? – Братец пожал тощими плечами.

В их семье все отличались немалым ростом, но Колин вымахал под самый потолок. В старших классах друзья даже дали ему прозвище Палочник. У него были русые волосы (свои Пэкстон тщательно осветляла) и такие же, как у сестры, темные глаза, выдававшие в них обоих истинных Осгудов.

– Ты вечно торчишь на работе и не расстаешься с деловым костюмом, – возразила Пэкстон. – Что-то не слишком похоже на безумства молодости.

Он снова пожал плечами.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила сестра.

– Я уже двое суток на ногах. Мне просто нужно поспать. Так что там у тебя с этим Себастианом?

Пэкстон отвела глаза в сторону и поправила съехавшую с плеча сумку.

– Мы всего лишь друзья. Мама не одобряет нашего общения.

– А она хоть что-нибудь одобряет? «Хозяйка Голубого хребта», кстати, выглядит потрясающе, даже лучше, чем на твоих фотографиях. Я был там сегодня вечером, хотел увидеть особняк своими глазами. Я понял, что мне делать с ландшафтом: работы совсем немного. А в остальном – все замечательно.

– Ты уверен, что успеешь к юбилею? Он ведь уже в следующем месяце.

Колин взял ее руку в свою и крепко стиснул. На глазах у Пэкстон снова выступили слезы.

– Обещаю, мы все успеем.

– А вот и шампанское! – возвестил отец, грузно поднимаясь по лестнице из погреба. Брат с сестрой дружно вздохнули и поплелись в кухню.

Этим вечером Женский общественный клуб заседал в «Лимонном дереве» – коттедже Кирсти Лемон. И Пэкстон подумала, что сегодня вид коттеджа полностью оправдывал его название. Дорожку, ведущую к дому, освещали бумажные фонарики с вырезанными на них лимонными дольками.

В листве подстриженных деревьев у двери висели искусственные лимоны, а сама дверь была оклеена блестящей желтой бумагой. Почему-то с каждым годом встречи их клуба все больше напоминали не собрания уважаемой благотворительной организации, а состязания в оригинальности.

Пэкстон подошла к двери и постучала. Выпив с родными шампанского, она затем переоделась, сменив повседневный костюм на светлое платье и туфли на каблуках, и уехала одновременно с братом. Родители даже вышли на улицу, чтобы помахать им на прощание.

Ей открыла Кирсти. Эта брюнетка с короткой стрижкой и миниатюрными руками обладала удивительной способностью вызывать обман зрения: любой человек рядом с ней мгновенно увеличивался в размерах. Пэкстон при росте пять футов десять дюймов была как минимум на восемь дюймов ее выше и на пятьдесят фунтов тяжелее. На фоне Кирсти она казалась себе настоящей великаншей, но ничем не выдавала своего смущения: в присутствии подруги никогда не сутулилась и от каблуков не отказывалась. Не к лицу президенту клуба подобные компромиссы.

– Привет, Пэкс. Заходи. Ты что-то сегодня припозднилась.

– Да, прости. Колин приехал раньше времени. Мы немного поболтали, – объясняла Пэкстон, следуя за хозяйкой дома. – А ты как?

Кирсти защебетала что-то про мужа (который, если верить ей, был просто идеальным), про их прелестных мальчишек – такие проказники, никакого сладу с ними! – и про то, как потрясающе работать агентом по недвижимости на полставки.

Они вошли в гостиную. Там на складных стульях, установленных ровными рядами посреди комнаты, уже сидели двадцать четыре участницы клуба.

Некоторые держали на коленях тарелки с угощениями: горками куриного салата с лимоном, ватрушками с начинкой из лимона и брокколи и крошечными лимонными меренгами. В глубине гостиной за маленьким столиком шептались три девочки-подростка в нарядных платьях. Их называли Ростками. Матери Ростков, представительницы клубного комитета, тщательно подготавливали себе смену в лице дочерей. Все прекрасно понимали, что здесь тебе рады, лишь пока ты молода. Потом придется покинуть клуб, а твое место займет твоя дочь. Как правило, обеспеченные женщины Юга очень горды и не терпят даже мысли о том, что кто-то может стать им достойной заменой или превзойти их по красоте. И только их дочерям позволительно сделать и то и другое, ибо дочери – их главное богатство, неиссякаемый источник силы.

Пэкстон с улыбкой приблизилась к столику и раздала девочкам пакетики с шоколадом. Она каждый раз приносила им гостинцы, надеясь, что особое внимание со стороны президента клуба поможет Росткам не чувствовать себя лишними на этих собраниях. Девочки с жаром ее обняли. Раньше Пэкстон думала, что к тридцати годам обзаведется собственной семьей и будет, как и подруги, наряжать дочь и приводить ее сюда. Она желала этого всей душой, и ее мечты иногда воплощались в снах, таких правдоподобных, что, пробуждаясь, Пэкстон обнаруживала на шее и запястьях красные пятна – следы от жесткого кружева свадебного платья. Она встречалась с разными мужчинами, но ничего, кроме разочарования и отчаяния, они в ней не вызывали. Как бы ей ни хотелось выйти замуж, она никогда не свяжет свою жизнь с нелюбимым человеком.

Не притронувшись к закускам – как, впрочем, и всегда: некоторые и без того неодобрительно посматривали на ее широкие бедра, – Пэкстон направилась к трибуне. Она шла сквозь ряды, здороваясь со всеми, как вдруг ей показалось, что по комнате пробежал едва слышный заговорщический шепот. Отмахнувшись от мимолетного наваждения, она поднялась на трибуну.

Разложив перед собой блокноты с записями, Пэкстон начала:

– Итак, прошу внимания. Сегодня у нас много работы. Во-первых, ответы на приглашения льются рекой. Во-вторых, Мойра предлагает открыть «Хозяйку» раньше – для того, чтобы пожилые гостьи, живущие за городом, могли заблаговременно расположиться в номерах и не спеша подготовиться к празднику. Но сначала вспомним итоги предыдущего заседания. Стейси, тебе слово.

Стейси Хёрбст встала, листая блокнот. С недавнего времени она красила волосы в рыжий, и, хотя все наперебой твердили, что им не хватает ее каштановых волос, рыжий цвет шел ей намного больше. Несмотря на это, Стейси подумывала вновь стать шатенкой – она всегда доверяла мнению окружающих.

Стейси нашла нужную страницу, вздохнула – и неожиданно для всех выпалила:

– Я ворую помаду в аптеке. Не могу удержаться. Бросаю в сумочку первую попавшуюся и ухожу. Мне нравится думать, что у меня есть тайна, о которой вы даже не догадываетесь. – Она ис-пуганно прикрыла рот ладонью.

Пэкстон вопросительно взглянула на Стейси, но сказать ничего не успела, потому что Онор Редфорд, предыдущий президент клуба, громко за-явила:

– С тех пор как мужа уволили, я все время боюсь, что не смогу платить членские взносы и вы перестанете со мной общаться.

Мойра Кинли повернулась к соседке:

– Знаешь, почему я люблю повсюду бывать вместе с тобой? Потому что на твоем фоне я кажусь еще красивее, а это дает мне уверенность в себе.

– Я заказала ту пристройку к дому только для того, чтобы вы мне завидовали.

– А я действительно увеличила грудь.

– А я знаю, что у тебя проблемы с мочевым пузырем, но всем говорю, будто ты страдаешь булимией – поэтому и бегаешь так часто в туалет.

В гостиной поднялся дикий гвалт. Женщины выкрикивали все новые и новые признания, одно другого невероятнее. Пэкстон взирала на них в полном недоумении. Сначала у нее возникла мысль, что это розыгрыш. Наверное, кто-то из участниц клуба решил, что любопытно будет посмотреть, какова вечно невозмутимая Пэкстон в гневе. Но потом она поняла, что розыгрышем здесь и не пахнет. Ее подруги явно паниковали, а в их глазах читался неподдельный ужас. Все тайны, которые они так тщательно скрывали, вдруг хлынули на поверхность, и остановить этот поток было невозможно.

– А ну-ка тихо, – приказала Пэкстон. – Успокойтесь немедленно.

Ее слова потонули в оглушительном оре.

Тогда Пэкстон вскочила на стул, хлопнула в ладоши и завопила:

– Эй! Прекратите! Да что с вами такое?

Это возымело действие: ее наконец-то заметили – и в комнате воцарилась тишина. Пэкстон спустилась на пол. Она внезапно ощутила, как все тело начинает зудеть от странного нетерпения. Окружающие предметы изогнулись, словно отраженные в кривом зеркале, и Пэкстон усиленно заморгала, пытаясь прогнать иллюзию. Зуд становился невыносимым. Еще чуть-чуть – и она во всеуслышание объявит, что влюбилась в человека, с которым ей ничего не светит. Ну и пусть это главный секрет ее жизни – если она сейчас же не обнародует его, то просто умрет на месте!

Пэкстон судорожно сглотнула. Нужно взять себя в руки.

– Кирсти, я думаю, у тебя кондиционер сломался. Мы все надышались какими-то вредными парами.

– Зато я живу в своем собственном доме, – пробормотала Кирсти, вставая и направляясь к термостату, – а не ючусь у родителей, в домике у бассейна.

– Что? – Пэкстон оторопела.

– Ой… я… – Кирсти запнулась. – Неужели я произнесла это вслух?

По настоянию Пэкстон окна распахнули настежь, чтобы впустить свежий воздух, но вместо свежести их ожидал удушливый июльский зной, от которого на припудренных лицах дам выступили капли пота. Все снова расселись по местам, и заседание возобновилось. Они подробно обсудили вопросы из списка Пэкстон, но у многих при этом был такой вид, будто их мысли витают где-то далеко. Около десяти вечера все, к счастью, закончилось. Чмокнув друг друга на прощание, участницы клуба помчались по домам. Каждая спешила удостовериться в том, что ничего не изменилось: коттедж не сгорел дотла, муж

не ушел к другой, а любимые платья по-прежнему впору.

Пэкстон задумчиво глядела из окна машины на подруг, которым явно хотелось поскорей убраться отсюда, и в который уже раз спрашивала себя: «Что же, черт возьми, здесь сегодня произошло?»

В отличие от остальных, Пэкстон отправилась не домой, а к Себастиану Роджерсу. Завидев издалека, что в окнах еще горит свет, она свернула на подъездную дорожку к его коттеджу.

Вернувшись в Уоллс-оф-Уотер в прошлом году, Себастиан не только занял стоматологический кабинет доктора Костово, но и купил его дом: прежний владелец удалился на покой и переехал в Неваду, поскольку местный влажный климат пагубно влиял на его больные суставы. Дом – построенный из темного камня и украшенный башенкой – назывался «Тенистое дерево», и Себастиан как-то сказал Пэкстон, что его пленяет атмосфера этого места: он чувствует себя одним из персонажей сериала «Мрачные тени».

Пэкстон постучала. Себастиан открыл почти сразу.

– Привет, красавица. – Он распахнул перед ней дверь. – Не ждал тебя сегодня.

– Да вот – ехала мимо и решила поздороваться.

Какая ужасная банальность! И к чему этот виноватый тон? Ведь он совершенно точно не против ее визита.

Пэкстон прошла в гостиную и села на диван. Судя по всему, Себастиан только что смотрел телевизор. Хотя внешний вид «Тенистого дерева» наводил на мысли о стенах, увешанных средневековым оружием и фамильными гербами, внутри было светло и уютно. Себастиан обосновался здесь вскоре после того, как ее затея купить дом обернулась неудачей. Ей нравилось наблюдать, как он обустраивает коттедж по своему вкусу, и временами она ловила себя на том, что завидует его свободе. Пэкстон скинула туфли и устроилась на диване, поджав под себя ноги. Себастиан, в домашних брюках и футболке, присел рядом. Он положил ногу на ногу, и Пэкстон видела его босые ухоженные ступни.

Природа наделила Себастиана удивительной красотой: его лицо с тонкими, изящными чертами могло бы принадлежать герою какой-нибудь романтической поэмы. Еще со школьных времен все гадали, гей он или нет, склоняясь к первому, но сам Себастиан так еще ни разу не подтвердил – хотя и не опроверг – их домыслов. А вот Пэкстон была уверена, что она единственная в Уоллс-оф-Уотер знает правду. В старших классах худощавый блондин Себастиан подводил глаза черным карандашом, ходил в длинном пальто и вместо огромного рюкзака, как у всех школьников, носил маленькую сумку через плечо. Такого поневоле заметишь. Они оба учились тогда в выпускном классе, и Пэкстон почти каждое воскресенье проводила в Эшвилле – городке в часе езды от Уоллс-оф-Уотер, – гуляя по торговому центру. Там-то она однажды и увидела Себастиана. Он сидел в кафе в компании таких же неформалов: шести-семи парней с немыслимыми прическами и вызывающе одетых. Ребята эти явно были не из Уоллс-оф-Уотер: слишком уж причудливая публика для маленького городка. Они о чем-то болтали, и тут один из них – с черными, торчащими дыбом волосами, в длинных черно-белых перчатках без пальцев – нагнулся через стол к Себастиану, и они начали целоваться. В какой-то момент Себастиан открыл глаза и встретился взглядом с проходившей мимо Пэкстон. Он смотрел на нее – и целовался с тем парнем. Вопиющая, безумно возбуждающая дерзость…

Но теперь это совсем другой Себастиан: на нем всегда деловой костюм с иголочки и галстук из натурального шелка, а держится он так отстраненно, словно и мужчины, и женщины ему одинаково безразличны.

– Как прошел день? – Себастиан облокотился о спинку дивана, повернувшись к Пэкстон.

Они почти касались друг друга.

– Вроде бы неплохо.

Пэкстон потянулась к кофейному столику, взяла недопитый бокал вина и сделала маленький глоток.

Он прищурился:

– Вроде бы?

– Из хороших новостей: Колин приехал раньше, так что с ландшафтом мы точно управимся вовремя. А вот на заседании клуба творилось что-то из ряда вон. До приема считаные недели, а все думают бог знает о чем.

– То есть?

На мгновение Пэкстон замолчала, подбирая нужные слова.

– В детстве, когда я слишком любопытничала и совала нос куда не следует, бабушка говорила: «Если узнаешь чей-то секрет, то и свой тоже расскажешь в ответ, а стоит одному с языка соскочить – остальные уже нипочем не сокрыть». Именно так сегодня и было: все вдруг кинулись поверять друг другу тайны и никак не могли остановиться.

Себастиан улыбнулся:

– Ты меня совсем запутала. Мне казалось, что на этих клубных встречах все только тем и занимаются, что сплетничают, разве не так?

– Это было совсем другое, – покачала головой Пэкстон. – Поверь мне.

– Да? – Он удивленно поднял брови. – И какие же, интересно, личные тайны поведали дамы из Женского общественного клуба? Включая и его президента?

Пэкстон попробовала рассмеяться, но у нее тут же разболелась голова.

– У меня нет тайн, – ответила она, потирая лоб.

Выражение его лица не изменилось.

Раз уж она завела этот разговор, то придется выдать какой-нибудь секрет. И определенно не тот, что чуть было не вырвался у нее на сегодняшнем собрании.

– Я до сих пор еще не сказала бабушке о приеме, потому что до смерти ее боюсь. Я обещала маме, что завтра утром схожу к Агате, но если бы ты знал, как же мне этого не хочется. Ужасно, просто до слез. И мне от этого становится так гадко. Ведь бабуля Осгуд помогла основать наш клуб, и держать ее в неведении

несправедливо. Но она такая…

Себастиан понимающе кивнул:

– Хочешь, вместе сходим?

– Не стоит. Она обращается с тобой хуже некуда.

Пэкстон навещала бабушку по воскресеньям, и с тех пор, как все воскресенья она стала проводить с Себастианом, – Пэкстон уже с понедельника начинала считать дни до их встречи – он неизменно составлял ей компанию. Но сейчас она не собиралась ни о чем его просить. Целых два визита к бабуле Осгуд за неделю – никто не заслуживает такого наказания.

– Милая, да она со всеми так обращается.

Себастиан взял у Пэкстон бокал, поставил его на стол и, сжав ее руку, сказал:

– Позволь себе немного расслабиться. Не обязательно все делать самой. – И мягко добавил: – Завтра мы вместе сходим к твоей бабушке.

– Правда?

– Ты же знаешь: ради тебя я и не на такое готов.

Она прижалась щекой к его ладони и закрыла глаза. Какая прохладная, нежная кожа. Помнится, Себастиан как-то сказал, что если моешь руки по сто раз на дню, то увлажняющий крем поневоле станет твоим лучшим другом.

Что же она делает? Словно очнувшись от сна, Пэкстон резко отпрянула, встала и начала обуваться.

– Мне пора, – сказала она, пытаясь совладать с непослушными ремешками туфель. – Спасибо, что выслушал.

– Энергии в тебе хоть отбавляй. Ты вообще спишь?

Она слабо улыбнулась:

– Иногда.

Себастиан медленно поднялся с дивана, задумчиво наблюдая за Пэкстон. В прошлом году, когда он вернулся в город, они случайно встретились возле кафе «Хартли», где у Пэкстон только что закончилось заседание местного книжного клуба. Увидев Себастиана, она непроизвольно вздрогнула, будто ее ударило током. Тогда девушка еще не знала, что это – тот самый Себастиан, для нее он был таинственным незнакомцем, от чьей невероятной красоты у нее перехватило дыхание. Пэкстон твердо решила выяснить, кто это такой и что привело его в Уоллс-оф-Уотер. Она не сводила с красавчика глаз, пока он шел к своей машине, припаркованной в нескольких метрах от нее. Незнакомец открыл дверь, бросил на сиденье сумку с эмблемой магазина «Слайтли Фокст», повернулся – и увидел Пэкстон. Он несколько секунд изучал ее лицо и вдруг, усмехнувшись, сказал: «Здравствуй, Пэкстон». Пэкстон стояла как громом пораженная, не в силах вымолвить ни слова. А красавец представился и напомнил, что они вместе учились в школе. Они немного поговорили, потом решили продолжить беседу в кафе и в результате проболтали не один час. К моменту расставания Пэкстон с ужасом поняла, что влюбилась. Эта истина по-прежнему ее ошеломляла. Сколько бы она ни убеждала себя в том, что ни к чему хорошему это не приведет, ее чувства к Себастиану были сильнее логики.

– Спокойной ночи, дорогая.

Себастиан погладил ее по голове, и в этом жесте ей почудилась какая-то неловкость, будто он пытался за что-то извиниться. Боже мой, а ведь он все знает! У Пэкстон заныло в груди.

Ошарашенная, она повернулась к двери. Инте-ресно, и с каких пор? С самого начала? Или она выдала себя какой-нибудь недавней выходкой? Что за мерзкий вечер! Вселенная явно решила поразвлечься за ее счет.

– Пэкс, что с тобой? – спросил стоявший у нее за спиной Себастиан.

– Ничего. Все хорошо. Увидимся завтра ут-ром, – бодро ответила она и шагнула в сырую мглу.

Пэкстон могла поклясться, что в этот момент кто-то потихоньку рассмеялся ей вслед.

Глава 3. Кодекс отщепенцев

Уилла как раз доставала из сушилки последнюю партию белья, когда в дверь постучали. Она почти наверняка знала, кого это принесло; а ей-то казалось, что если плотно закрыть окна и включить кондиционер, то поющий на полной громкости Брюс Спрингстин не потревожит покоя ее ворчливых соседей.

Она поставила таз с чистыми вещами на кухонный стол и направилась в другой конец узкого коридора, к парадной двери, так и не исполнив своего любимого ритуала – зарыться лицом в только что выстиранное, еще теплое белье.

Когда живешь в старом районе, где дома стоят почти стена к стене, приходится мириться с некоторыми неудобствами. И все же это дом ее детства – он достался ей по наследству лет семь назад, когда умер отец. И за него не нужно выплачивать ссуду, а это вам не шутки, особенно учитывая, что ей лишь недавно удалось погасить баснословный долг по кредитной карте, накопленный за годы учебы в колледже. Большую часть населения Уоллс-оф-Уотер составляют зажиточные горожане, и раньше Уилла бесилась оттого, что не принадлежит к их числу. Кредитка же давала опьяняющее чувство свободы, позволяя в любой момент тратить деньги – на что угодно и не задумываясь. Отец умер, так и не узнав, что дочь по уши в долгах.

Теперь у нее свой магазин и собственное гнез-дышко, за которые она уже никому ничего не должна, а все благодаря отцу, застраховавшему свою жизнь в пользу дочери. Уилла просто обязана оправдать его чаяния и стать наконец взрослой – для него это было очень важно. Ее нынешняя жизнь – это покаяние перед ним и бабушкой за все то горе, что причинила им когда-то юная неугомонная девчонка, совершенно неспособная совладать с хлещущей через край энергией и усидеть на одном месте, как им обоим хотелось.

Под хит Спрингстина «I’m on Fire» Уилла открыла дверь. Мужчина, стоявший на пороге, был очень высоким, так что ей даже пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо.

– Это снова я.

Все заготовленные слова тут же вылетели у нее из головы. Уилла открыла рот, но не смогла произнести ничего, лишь издала какой-то нечленораз-дельный лепет.

– Ты сегодня так поспешно сбежала, что забыла вот это. – Он протянул ей пригласительный.

Уилла схватила билет и почему-то спрятала его за спину.

Гость засунул руки в карманы. На нем были все те же брюки и рубашка, которая теперь, просохнув, напоминала жеваную бумагу. Он щурился от яркого света лампочки, висевшей рядом с дверью, из-за чего вокруг глаз у него собрались мелкие морщинки. Несколько секунд мужчина внимательно смотрел на Уиллу, а потом сказал:

– В школе мне постоянно приходилось отдуваться за твои приколы вместо тебя. Меньшее, что ты можешь для меня сейчас сделать, – это пригласить в дом.

Уилла словно очнулась.

– Не «отдуваться», а купаться в лучах славы, – парировала она.

Мужчина улыбнулся:

– Значит, ты меня помнишь.

Еще бы она его не помнила. Потому-то и убежала с Джексон-Хилл, сгорая от стыда. Уилла никогда не обращала на Колина внимания, но прекрас-но знала, кто он, – как и вся школа. Потому что он был Осгуд. Правда, Колин всегда находился в тени своей знаменитой и самоуверенной сестры-близняшки, но, похоже, его самого это нимало не смущало. Он наверняка легко бы мог стяжать себе не меньшую популярность, чем Пэкстон, просто, в отличие от нее, не стремился баллотироваться в президенты ученического совета или состоять в миллионе разных клубов одновременно. Вместо этого Колин Осгуд почти все время проводил в компании мальчишек, которые носили голубые рубашки поло и

по выходным играли в гольф. Все ожидали, что, окончив колледж, он пойдет по стопам отца и станет таким же непревзойденным мастером клюшки и лунок, но Колин предпочел уехать из Уоллс-оф-Уотер. Уилла так и не поняла почему.

Она вовсе не собиралась подставлять однокласс-ника, это вышло случайно. Как-то раз, в начале последнего для них учебного года, Уилла прокралась ночью на школьный двор и написала на стенде у входа «Конфеты – эффектны, но аперитивы – оперативней». Девушка нечаянно подслушала, как Колин произнес эту фразочку, – он повторял ее весь день напролет, – и она показалась Уилле ужас-но смешной. Она и понятия не имела, что Осгуд занимался исследованием творчества Огдена Нэша и лишь вчера сдал эссе на эту тему, так что ее розыгрыш – пусть и не намеренно – указывал прямо на него. И хотя доказать вину Колина не удалось, а его родителей заверили, что привлекать мальчика к ответственности никто не собирается, все розыгрыши, которые устраивала Уилла – и до, и после, – теперь приписывались Колину. Отныне его считали Шутником средней школы Уоллс-оф-Уотер – героем учеников и проклятием учителей. И только за три недели до конца учебного года, когда Уиллу поймали на месте преступления, все узнали, кто настоящий Шутник.

– Так ты меня впустишь или нет? Эта неопределенность убивает.

Она вздохнула и слегка попятилась, давая гостю пройти. Закрыв за ним дверь, Уилла поспешила к колонкам, стоявшим у компьютера, и убавила громкость – Спрингстин с его сексуальной хрипотцой в данной ситуации был совершенно не-уместен. Обернувшись, она увидела, как Колин медленно ходит туда-сюда, рассеянно гладя спинку ее супермягкого дивана. Такие диваны всегда тянет потрогать. Его доставили всего несколько дней назад. Он стал первой за семь лет вещью, которую Уилла позволила себе купить в дом. Диван был дорогой и непрактичный, поэтому ее немного мучила совесть, но она влюбилась в него с первого взгляда.

– Мне никто не говорил, что ты вернулась в Уоллс-оф-Уотер, – пожаловался Колин.

– А должны были сказать?

Колин покачал головой, словно сам не был уверен в ответе.

– И давно ты здесь живешь?

– С тех пор как умер папа.

Его плечи поникли.

– Грустно, что так вышло.

Отца Уиллы насмерть сбила машина, когда он помогал кому-то на трассе заменить колесо. Это случилось в последний год ее учебы в колледже, – вернее, это был бы ее последний год в колледже, если бы Уиллу не отчислили за неуспеваемость. Еще одна тайна, о которой папа так и не узнал.

– Учитель он был прекрасный. Он вел у нас химию в одиннадцатом классе и даже устраивал здесь ужины для учеников, которых готовил к поступлению в колледж.

– Я помню.

Она терпеть не могла эти ужины, ведь дети из школы приходили к ним и видели, как они живут. Уилла чаще всего притворялась, что ей нездоровится, и пряталась у себя в комнате. Ей было стыдно: по сравнению с особняками, в которых жили все эти ребята, их дом, такой старенький и крошечный, казался убогой халупой.

– Я столько лет думал о тебе: где ты сейчас, что вытворяешь? – Он сделал паузу. – А ты, оказывается, все это время была здесь.

Уилла молча смотрела на незваного гостя: ему-то какое дело?

Колин еще раз прошелся из угла в угол и оглядел комнату, словно решая, чем бы еще заняться. Наконец, тяжело вздохнув, он сел на диван и запустил пальцы в темную шевелюру. У него были крупные руки. Он вообще был высоким и статным, совсем не таким, как в школе.

– Так чем ты нынче занимаешься, Уилла Джексон?

– У меня магазин спорттоваров на Нэшнл-стрит.

Вот так-то. Ответ нормального, взрослого, прак-тичного человека.

– А как развлекаешься в свободное время?

Что за идиотский вопрос.

– Белье стираю, – с непроницаемым видом ответила Уилла.

– Муж есть? – продолжал допрос Колин. – Дети?

– Нет.

– То есть ни единого потомка, которому можно передать свою мудрость? Как незаметно растянуть километры туалетной бумаги по школьной лужайке, разрисовать машины учителей арахисовым маслом, написать возмутительные стишки на школьном стенде, поменять вещи в шкафчиках у всего класса? – Колин захохотал. – Нетленная классика! На каждый прикол, наверное, целая ночь уходила.

Казалось, эти воспоминания доставляют ему огромное удовольствие, но что до самой Уиллы, то она уже много лет сознательно не ворошила про-шлое. Да и о Колине тоже никогда не думала. Однако сейчас у нее перед глазами вдруг возникло его лицо в тот день, когда она включила пожарную сигнализацию. Все дети и преподаватели высыпали на лужайку перед школой, и Уилла, проходя мимо них в сопровождении полицейских, слышала, как они шептались: «Так это она! Уилла Джексон! Вот кто столько лет всех разыгрывал!» Колин Осгуд застыл как громом пораженный: то ли он не ожидал, что Шутником окажется именно Уилла, то ли испугался, что пришел конец его славе.

А сейчас они стояли и молча смотрели друг на друга. Колин открыто разглядывал ее с ног до головы, и Уилла уже собиралась объяснить ему, что он ведет себя неприлично, но Осгуд ее опередил:

– Ну так как? – Он кивнул на пригласительный, который она до сих пор держала в руке. – Ты придешь?

Уилла уже и забыла о нем. Нахмурившись, она бросила билет на стол. Одни неприятности от этой бумажки!

– Нет, не приду.

– Что так?

– Этот праздник не имеет ко мне отношения.

– А ты посещаешь исключительно те праздники, которые имеют к тебе отношение? Вечеринки в честь твоего дня рождения, например? – Колин замолк и нахмурился. – В моей голове это звучало смешнее. Прости. Если не спать двое суток подряд, все почему-то начинает казаться смешным. По дороге сюда я смеялся над знаком ограничения скорости. Сам не знаю отчего.

Он еле шевелил языком от усталости, словно пьяный. Теперь Уилле многое стало ясно.

– А почему ты не спал двое суток?

– В самолете не удалось вздремнуть, – я сегодня прилетел из Японии, – а потом не хотелось нарушать режим. Думал дотерпеть до вечера, чтобы лечь как обычно и не запутаться окончательно из-за разницы во времени.

Уилла посмотрела в окно:

– Кто тебя привез?

– Никто.

От взгляда его темных, бесконечно усталых глаз Уилле стало не по себе.

– Ты сам-то обратно доедешь?

Колин усмехнулся:

– Какая ты заботливая.

– Давай-ка я сварю тебе кофе.

– Кофе так кофе. Хотя прежняя Уилла не преминула бы воспользоваться ситуацией и приколоться.

– Ты понятия не имеешь, на что была способна прежняя Уилла.

– И ты сама, судя по всему, тоже.

Ничего не ответив, она развернулась и пошла в кухню. Уилле так не терпелось поскорее зарядить гостя кофеином и отправить его восвояси, что, пытаясь совладать со старой отцовой кофеваркой, она умудрилась и разлить воду, и рассыпать зерна.

– И часто ты бываешь на холме у «Хозяйки Голубого хребта»? – спросил Колин.

– Нет, – соврала она.

Рано или поздно он бы обязательно задал этот вопрос.

– То есть сегодня ты сидела там не потому, что замышляешь какой-то розыгрыш в честь грядущего приема?

– Господи, да хватит уже, – чуть слышно произнесла Уилла.

Облокотившись о стол, она смотрела на булькающую кофеварку и радовалась этой короткой передышке. Дождавшись, когда будет готова одна порция, она налила немного кофе в чашку и понесла ее в гостиную.

Колин по-прежнему сидел на ее драгоценном сером диване с обивкой из микрофибры, положив руки на колени и запрокинув голову.

– Ну вот, этого еще не хватало. – Уиллу охватила паника.

Она поставила чашку на журнальный столик.

– Пожалуйста, только не это. Колин, проснись!

Он даже не пошевелился.

Уилла протянула руку и дотронулась до него.

– Колин, вот кофе. Проснись и хлебни немного. – Девушка потрясла его за плечо. – Эй, Колин!

Он открыл глаза и, уставившись на нее туманным взглядом, пробормотал:

– Да что с тобой такое? Ведь ты была храброй… самой храброй из всех, кого я знал.

Глаза его снова закрылись.

– Колин?

Она посмотрела на его длинные ресницы: когда человек притворяется, что спит, ресницы дрожат. Колин не притворялся.

– Колин!

Бесполезно.

Уилла растерялась. Она постояла у дивана еще некоторое время и только собралась уйти, как вдруг уловила какой-то сладкий аромат. Повинуясь инстинктивному желанию распробовать его, она втянула носом воздух – и чуть не закашлялась: сладость осела на языке такой невыносимой горечью, что девушка невольно поморщилась.

Как однажды сказала бабушка, приготовив на редкость неудачный пирог с лимонным кремом: именно такой вкус у сожаления.

Густой туман, окутывающий по утрам Уоллс-оф-Уотер, сам по себе был достопримечательностью. В каждом магазинчике на Нэшнл-стрит продавались «банки с туманом» – баночки из серого стекла, которые туристы раскупали как оригинальные сувениры. Для Уиллы же это погодное явление было примерно таким же необычным, как океан для того, кто живет на его берегу. Когда видишь его каждый день, нет-нет да и спросишь себя: и с чего столько шума?

Когда на следующее утро Уилла отправилась в дом престарелых, туман уже понемногу отступал под натиском июльского зноя. Колин, к счастью, уехал еще ночью, явно разочарованный тем, что Уилле уже не восемнадцать и она больше не подшучивает над ничего не подозревающими людьми.

Лучше бы он вообще не появлялся в ее доме. Она уже давно выросла и теперь совершает лишь правильные, взрослые поступки – как раз для того, чтобы никого больше не разочаровывать.

– Привет, бабуля, – радостно сказала Уилла, входя в комнату Джорджи Джексон.

Бабушка была уже одета и, слегка ссутулившись, сидела у окна в кресле-каталке. В лучах утреннего солнца, освещавших ее белые волосы и бледную кожу, она казалась почти прозрачной. В молодости это была красивая женщина с огромными глазами, высокими скулами и тонким носом, и Уилле временами чудилось, что под сеткой морщин она видит юное прекрасное лицо – словно мимолетное отражение в волшебном зеркале.

Первые признаки старческого слабоумия по-явились у бабушки, когда Уилла уехала в колледж. Отец сразу перевез ее к себе, и она заняла бывшую комнату внучки. Через два года у Джорджи случился сердечный приступ, и папа был вынужден поместить ее в дом престарелых. Уилла знала, как непросто далось ему это решение, но у него получилось устроить мать в лучшее учреждение в городе. После смерти отца Уилла взяла на себя обязанность регулярно навещать бабушку – ведь ему бы этого хотелось. Он обожал мать и всю жизнь из кожи вон лез, чтобы только ей угодить.

Уилла считала бабушку милым, но весьма непростым человеком: у нее словно бы имелись невидимые шипы, которые не давали к ней приблизиться. В нервной и недоверчивой Джорджи Джексон не было ни капли легкомыслия, что, учитывая, в какой роскоши она выросла, неизменно поражало Уиллу. После того как ее

семья обанкротилась, Джорджи пошла в гувернантки и до семидесяти с лишним лет работала в самых богатых домах города.

Бабушка отличалась спокойным нравом, как и отец Уиллы. В их семье самой громкой была мать. Уилла до сих пор помнила ее смех – приятное стаккато, как потрескивающие в камине угольки. Мама работала секретаршей в адвокатской конторе и умерла, когда Уилле было всего шесть. После этого девочка полюбила играть в смерть. То, облившись водой с ног до головы, она ложилась на диван и неподвижно лежала, притворяясь, что утонула; то, распластавшись на капоте машины, делала вид, будто ее сбили. Но больше всего малышке нравилась «смерть от ложек»: она лежала на кухонном полу, облившись кетчупом и засунув ложки под мышки. В шесть лет Уилла не понимала, что такое смерть, и не видела в ней ничего плохого, ведь плохое не могло бы произойти с ее прекрасной мамочкой. Откровенно говоря, смерть ее завораживала.

Однажды Джорджи, застав внучку за воображаемым разговором с матерью, бросилась открывать окна и жечь шалфей. «Призраки ужасны, – предупредила она. – Никогда не говори с ними. Не подпускай их близко». Уилла тогда крепко обиделась на бабушку и долго не могла простить ей того, что она лишила ее связи с мамой, заставив бояться умерших, пусть и таким нелепым образом.

Все суеверия давно стерлись из бабушкиной памяти, как и образ внучки. Но Уилла знала, что, хотя Джорджи не понимает ни слова, ей нравится слушать голоса, поэтому несколько раз в неделю приходила сюда и рассказывала: что творится в мире, как выглядят деревья в это время года, чем нынче торгуют в магазинах и какие перемены случились в отцовском доме. Сегодня она похвасталась новым диваном, но о визите Колина промолчала.

Она говорила до тех пор, пока сиделка не принесла еду. Уилла помогла покормить бабушку и, когда поднос опустел, аккуратно умыла ее и снова присела рядом.

Немного поколебавшись, она достала из заднего кармана джинсов пригласительный билет:

– Я долго думала, показывать его тебе или нет. В следующем месяце в «Хозяйке Голубого хребта» будет праздник – юбилей Женского общественного клуба. Пэкстон Осгуд собирается чествовать тебя как одну из его основательниц. Это

приятно, конечно, но ты ведь никогда не говорила мне об этом клубе, и я даже не знаю, значит ли он для тебя хоть что-нибудь. Если да, я бы сходила туда, а так – понятия не имею, как лучше поступить.

Уилла посмотрела на приглашение и впервые догадалась посчитать: оказывается, на момент основания клуба бабушке было всего семнадцать лет, то есть именно в этот год Джексоны лишились фамильного особняка и родился отец Уиллы.

Как ни больно было это признавать, но в юности Уилла не особенно гордилась тем, что она из семьи Джексонов. Лишь недавно она начала ценить своих предков за их трудолюбие и за то, что они не стыдились собственной бедности, в отличие от нее самой. Уилла смирилась с тем, что бабушка уже никогда не ответит на ее вопросы, а в про-шлом, когда и Джорджи, и отец могли бы ей многое рассказать, она попросту не придавала этому значения. Но иногда – сейчас, например, – девушка до слез жалела об упущенных возможностях. Как же ей хотелось повернуть время вспять: сказать им обоим, как сильно она их любит, исправить то, что натворила, дать родным повод для гордости, а не для вечного беспокойства.

Она оторвала взгляд от приглашения и замерла в изумлении: Джорджи повернула голову, и ее глаза, такие же серые, как у внучки, смотрели прямо на нее, как будто в словах Уиллы прозвучало нечто ей знакомое. Такого уже много лет не бывало, и сердце Уиллы взволнованно забилось. Она подалась вперед:

– Бабуля Джорджи, что? «Хозяйка Голубого хребта»? Женский общественный клуб?

Джорджи шевельнула правой рукой, подвинув ее ближе к Уилле, – левая сторона ее тела была парализована, – и зашевелила губами, силясь что-то произнести.

Наконец Уилле удалось разобрать одно слово: «персик».

– Персик? Тебе захотелось персиков?

Но внезапный проблеск памяти тут же погас: лицо Джорджи обмякло, и она снова уставилась в окно.

– Ладно, бабуля, – вставая, сказала Уилла и поцеловала ее в макушку. – Я попрошу принести тебе персиков.

Она укутала бабушкины плечи шалью и пообещала, что скоро вернется. Бросив последний взгляд на Джорджи, девушка развернулась и вышла из комнаты.

Глупо, конечно, было ожидать от нее чего-то глубокомысленного: то, что старушка вообще попыталась заговорить, – уже само по себе чудо.

Уилла задержалась у поста медсестер, чтобы узнать, не оставил ли лечащий врач каких-нибудь рекомендаций, и заодно договориться насчет персиков.

Затем она надела темные очки и шагнула в широкий, выложенный кирпичом дворик, залитый ярким солнцем. Она направилась к парковке. Солнечный свет, отраженный стеклами машин, ослеп-лял, поэтому Уилла не сразу заметила, что кто-то движется ей навстречу.

Перед ней вдруг выросла Пэкстон Осгуд в миленьком розовом платье и роскошных туфлях. Она была такой же высокой, как Колин, но, в отличие от брата, имела довольно пышные формы. Видимо, кто-то из ее костлявых предков-французов решил шокировать общественность и женился на хорошенькой, крепко сбитой молочнице, и вот, несколько поколений спустя, результат их союза в полную силу проявился в Пэкстон. С нею был бледный блондин в строгом костюме, который, несмотря на худобу владельца, сидел на нем просто превосходно. Поражала необычная красота этого человека: есть такие люди, глядя на которых зачастую невозможно понять, чего в них больше – мужского или женского.

Интересно, рассказал ли Колин сестре о про-шлой ночи? А вдруг Пэкстон до сих пор злится на нее из-за того любовного письма Робби Робертсу? Что она сейчас сделает: поздоровается или пройдет мимо, не удостоив ее вниманием? Уилла не знала, что и думать.

И меньше всего она ожидала, что Пэкстон улыбнется и воскликнет:

– Уилла, это ты! Здравствуй! Как я рада тебя видеть! Значит, ты бываешь здесь по утрам, да? Вот почему мы не пересекаемся! Ты получила мою записку? Я написала тебе, что хочу поздравить наших бабушек на торжественном приеме.

Руки Уиллы непроизвольно потянулись к голове, чтобы пригладить вьющиеся, торчащие во все стороны волосы. Свои Пэкстон, как обычно, собрала в аккуратный пучок на затылке. Эта женщина всегда и во всем была безупречна.

– Бабушка не очень хорошо себя чувствует, – ответила Уилла. – Она и меня-то не помнит, не то что клуб.

– Да, я знаю. Это очень грустно, – вздохнула Пэкстон. – Но я рассчитывала поздравить миссис Джексон с твоей помощью. Передать ей через тебя подарок.

– Да, но… кажется, у меня на этот вечер уже есть планы, – пробормотала Уилла.

– О, правда? – удивилась Пэкстон.

В воздухе повисло неловкое молчание.

Его нарушило вежливое покашливание Себастиана.

– Привет, Уилла. Приятно снова с тобой увидеться. Столько лет прошло.

– Привет, Себастиан. Говорят, ты теперь вместо доктора Костово.

Себастиан Роджерс был живым доказательством того, что перевоплощение, в силу которого верила Уилла, возможно. В школе она иногда вела себя так тихо, что ровесники зачастую даже забывали о ее присутствии, но Себастиану повезло намного меньше. Уилла обладала способностью становиться невидимкой, а вот Себастиану, с его-то внешностью, такое было не под силу. Его постоянно дразнили. А теперь только посмотрите на него: дипломированный стоматолог в шикарном костюме, который наверняка стоит не меньше, чем годовое обслуживание ее джипа.

– Когда я тебя видела в последний раз, ты ходил с накрашенными глазами и в длинном лиловом пальто с погонами.

– А когда я тебя видел в последний раз, тебя арестовывали за хулиганскую выходку с пожарной сигнализацией.

– Один-один. Заходи как-нибудь в «О Натюрель» на Нэшнл-стрит – угощу тебя кофе за счет заведения.

– Может, и зайду. Ты же была пациенткой доктора Костово, ведь так? Надеюсь, ты продолжишь регулярно посещать кабинет стоматолога. Профилактика очень важна.

– А ты, я смотрю, настроен серьезно. Смерть кариесу и все такое, да?

Себастиан невозмутимо приподнял одну бровь:

– Совершенно верно.

Уилла рассмеялась и лишь сейчас заметила, что Пэкстон как-то странно на нее смотрит. Прекратив смеяться, Уилла перевела взгляд с Пэкстон на Себастиана, потом вновь на его спутницу.

– Что ж, мне пора, – сказала она наконец.

– До свидания, Уилла, – попрощался Себастиан.

А Пэкстон промолчала.

Пэкстон искоса наблюдала за Себастианом, пока они шли по коридору. Она тяжело топала на каблуках, в то время как Себастиан, в своих итальянских лоферах и с букетом гортензий в руках, двигался совершенно бесшумно.

– Не помню, чтобы в школе вы с Уиллой были особенно дружны.

– А мы и не были.

– Кажется, тебе она обрадовалась больше, чем мне.

– Это кодекс отщепенцев, – улыбнулся Себастиан. – Тебе не понять.

Пэкстон хотела спросить, что это еще за кодекс такой, но они уже стояли у бабушкиной двери.

– Ну что, леди, вы готовы к встрече с драконом?

– Нет, – честно ответила Пэкстон.

– Не бойся, я с тобой.

Себастиан положил руку ей на талию и слегка прижал к себе.

Они вошли в комнату, и Пэкстон осторожно приблизилась к кровати, на которой лежала Агата Осгуд. Пэкстон всю жизнь боялась бабушки как огня, но никому в этом не признавалась. Глядя на Агату, девушка с ужасом спрашивала себя: неужели и я когда-нибудь стану такой же?

– Бабуля Осгуд, – мягко позвала внучка. – Это я, Пэкстон. Ты спишь?

– А что – не видно? – огрызнулась Агата, не открывая глаз.

– Я сегодня с Себастианом.

Агата наконец соизволила взглянуть на посетителей:

– А, и модник здесь.

Пэкстон вздохнула, но молодой человек, улыбнувшись и подмигнув ей, ответил как ни в чем не бывало:

– Я принес вам гортензии, Агата. Вы ведь их любите.

– Это я и без тебя знаю. Только зачем вы упорно таскаете мне цветы? Мне, слепой, которая их все равно не увидит? Сколько раз я вам говорила: лучше принесите мне шоколадных конфет. Единственная осталась радость – и той лишают.

– Бабуля, но мама говорит, что сладкое тебе вредно.

– Много она понимает, твоя мама. Подай мне зубы.

– А где они? – спросила Пэкстон.

– Там же, где и всегда, – на столе, – раздраженно отозвалась Агата и села в постели. – Могла бы уже и запомнить. И с какой стати ты здесь? Сегодня не твоя очередь.

– Мне нужно рассказать тебе кое-что удивительное о «Хозяйке Голубого хребта», – ответила Пэкстон, оглядывая прикроватный столик.

– В «Хозяйке Голубого хребта» нет ничего удивительного. Держитесь от этого дома подальше. Там водятся призраки. И дай мне зубы.

Пэкстон потихоньку начинала паниковать.

– Но их здесь нет.

– Ну конечно.

Агата сбросила с себя одеяло, вскочила с кровати и оттолкнула внучку в сторону. Ощупав поверх-ность стола, она разинула беззубый рот и закричала:

– Мои зубы украли! Воры! Подлые воры!

– Поставлю-ка я цветы в воду, – сказал Себастиан.

Взяв с комода вазу из уотефордского хрусталя, он направился в ванную. А через несколько секунд выглянул оттуда и окликнул Пэкстон:

– Милая!

Девушка в этот момент стояла на коленях и, пока бабуля вопила, искала под кроватью ее зубы. Она подняла голову: Себастиан едва сдерживался от смеха.

Пэкстон нравилось, что придирки Агаты ему совершенно безразличны; что он по своей воле помогает ей и от него не нужно скрывать, какая ужас-ная у нее бабушка. И пусть Себастиану известен самый большой ее секрет, а их отношения никогда не перерастут в нечто большее – она согласна и на то, чтобы все оставалось так, как сейчас.

– Кажется, я нашел Агатины зубы, – сказал Себастиан.

Агата Осгуд сидела на стуле и, поджав губы, нервно теребила кардиган, подобранный в тон платья. Точнее, она полагала, что попала в тон. Макулярная дегенерация почти полностью лишила ее зрения, но она без труда ориентировалась в комнате. Мебель была мягкой и удобной, а на обивке, как Агате однажды сказали, красовались голубые гортензии. При ярком солнечном свете она почти их различала. В комнате даже стоял маленький холодильник, который ее семейство регулярно набивало вкусностями. Агату, любившую хорошо поесть, это радовало, пусть ей и не давали достаточно шоколада. В целом она считала это место вполне сносным. На деле же это был самый лучший и, соответственно, самый дорогой дом престарелых в округе, но Агату деньги не волновали. Когда их слишком много, они становятся чем-то вроде пыли – вечно перемещаются с места на место, но руками ты их не трогаешь.

Она-то думала, что к ней прислушиваются. Думала, ее мнение для всех – закон. Родные всегда давали ей это понять, когда приходили навестить. Теперь же Агате стало ясно, что она потеряла бдительность. Ее, как и прочих, убаюкало это место, внушив, что весь мир сжался и поместился в этих стенах, вне которых больше ничего нет. Но ошеломительная правда такова, что мир за окном по-прежнему существует – и даже без ее участия.

Неужели ее сын с женой действительно купили «Хозяйку Голубого хребта»? Столько лет было потрачено на то, чтобы распустить слухи про призраков, отпугнуть от «Хозяйки» всех и каждого, а потом смотреть, как особняк разваливается, год за годом ожидая, когда он исчезнет с лица земли, а вместе с ним и то, что там произошло. И вот, пожалуйста, все труды пошли прахом.

А тут еще Пэкстон со своим юбилеем. Чего только ни делала Агата, чтобы заставить девчонку передумать: говорила мерзости, которых на самом деле не имела в виду, угрожала, хотя была бессильна исполнить свои угрозы, – все без

толку. Теперь клуб возглавляла ее собственная внучка, и Агата как никогда остро ощущала недостаток былой власти.

Глупышки, да они ни малейшего понятия не имеют о том, что вообще собрались праздновать. Им совершенно невдомек, что семьдесят пять лет назад Агата и еще несколько девушек создали Женский общественный клуб для того, чтобы объединиться перед лицом опасности, ведь защитить их было некому. Но со временем их благородное создание превратилось в гадкого уродца, которого богатые дамы использовали для того, чтобы хвастаться размером подаяний. И допустила это сама Агата. Похоже, вся ее жизнь – это расплата за те давние события, которым она позволила случиться.

И празднование юбилея клуба в «Хозяйке» не простое совпадение. Совпадений вообще не бывает. Это судьба. Какая жестокая ирония, если задуматься, ведь то, что произошло в том доме, и заставило их основать свой клуб. Тайное всегда становится явным, как ни пытайся запрятать его поглубже. Именно этого всегда и боялась Джорджи.

Агата встала и направилась на пост медсестер, считая шаги. Подойдя поближе, услышала голос медсестры, которая заходила к ней утром. Какая молоденькая. Ну совсем юная – ей бы еще в скакалку с подружками прыгать, а не работать. И почему это девочкам так не терпится вырасти? Неужто они не понимают, что детство – это пора волшебства и, взрослея, мы несем невосполнимую утрату.

– Здравствуйте, миссис Осгуд.

Медсестра очень старалась, чтобы ее голос звучал приветливо, но получалось неважно. И Агата понимала, что сама была в этом виновата. В какой-то момент – лет десять назад или около того – она внезапно осознала, что если постоянно изливать желчь на окружающих, то чувствуешь себе лучше. Это обслуга спрятала ее зубы в ванной, где их нашел модник, никаких сомнений. Небось решили отомстить старухе.

– Чем я могу вам помочь?

– Если мне понадобится твоя помощь, я так и скажу, – отрезала Агата и прошаркала мимо.

Ощупывая сухими сморщенными пальцами стену и считая двери, она добралась до третьего коридора. Когда Хэм, сын Джорджи, обратился к ней, чтобы устроить мать в этот дом престарелых, Агата дала ему денег не раздумывая. Больше всего на свете она хотела помочь Джорджи и загладить свою вину за то, что однажды, когда подруге было очень плохо, она отвернулась от нее – и поэтому все изменилось самым роковым образом… Агата ревностно следила за лечением Джорджи, но навещала ее редко. Приходи она чаще, Джорджи бы этого не одобрила. «Ты по одну сторону, я – по другую. Ничего не попишешь», – сказала бы она.

Открыв дверь в комнату подруги, Агата смогла различить лишь большое темное пятно, окаймленное светом утреннего солнца, – словно черная дыра, угрожающая поглотить ее.

За свою долгую жизнь Агате довелось многое потерять, но ничто не оплакивала она так горестно, как былую дружбу. Она тосковала по утраченному зрению, по мужу, по отцу с матерью – но подруги детства были важны для нее ничуть не меньше. Если бы только они были живы! Она бы сражалась за них до последнего вздоха. Но, увы, Агата слишком поздно спохватилась. Никого из них уже не осталось, кроме Джорджи, которую с этим миром связывает лишь тоненькая сияющая ниточка.

Агата подошла к подруге и села рядом.

– Ну, вот и началось, – прошептала она.

Джорджи – милая, невинная Джорджи – повернулась к ней и сказала:

– Персик.

Агата нащупала руку Джорджи и крепко ее сжала.

– Да, – ответила она. – Он все еще там.

Но надолго ли?

Глава 4. Списки пожеланий

Колин сидел в дальнем углу магазина «О Натюрель» и потягивал капучино, задумчиво глядя в окно на поток машин. На Нэшнл-стрит, ведущей прямиком в заповедник, их всегда хватало. Эта часть города представляла собой отдельный, совершенно особенный мирок – сумбурный и как будто ненастоящий. Последний раз Колин был здесь давным-давно, но с тех пор почти ничего не изменилось, включая и привычки местных жителей: они по-прежнему редко появлялись на Нэшнл-стрит, сетуя, что из-за туристов тут яблоку негде упасть. От выстроившихся длинными рядами кирпичных домов веяло стариной, но под их крышами располагались современные магазины, большинство которых держали приезжие.

Все-таки он по-прежнему связан с этими местами, пусть и одними лишь воспоминаниями. Благодаря своей работе он уже объездил полмира. Задача ландшафтного архитектора не в том, чтобы превращать города в неотличимых друг от друга близнецов; наоборот, он должен уловить и выразить в новом облике любого города его самобытный характер. И в этой области Колин был одним из лучших. Он занимался как раз тем, чего ему больше всего хотелось: путешествовал с места на место, знакомясь с обычаями разных стран и нигде надолго не задерживаясь. А потом вдруг, повинуясь обиженному тону матери, – или, как сейчас, просьбе сестры, которая впервые в жизни попросила о помощи, – возвращался сюда и не мог отделаться от странного ощущения, будто ноги наливаются тяжестью и он погружается в землю, опутываемый корневой системой родного города. А ему этого очень не хотелось – не хотелось становиться прежним Колином, напоминавшим дерево с подстриженной на чужой вкус кроной.

От размышлений его отвлек звон дверного колокольчика.

Уилла Джексон только что переступила порог магазина. На ней были джинсы, из-под которых выглядывали черные ковбойские сапоги, и черный топ, открывающий плечи. Вьющиеся золотисто-каштановые волосы непослушным облаком колыхались над головой. В школе она всегда заплетала их в небрежную косу. Может, конечно, и не всегда, просто Колин помнил ее именно с длинной косой.

Сейчас же ее волосы едва достигали мочек ушей. Она зачесала их на сторону и прихватила у виска блестящей заколкой. Прическа дерзкая – как раз в стиле Уиллы Джексон. По крайней мере, Колин считал, что именно это слово – «дерзкая» – как нельзя лучше описывает его бывшую одноклассницу. Он и думать не хотел, что это не так. Если он заблуждается насчет Уиллы – во что тогда ему вообще верить?

Брюнетка, сделавшая ему капучино, извинилась перед покупателем, с которым разговаривала, и подошла к Уилле:

– А тебя тут кое-кто спрашивал.

– И кто же именно? – осведомилась Уилла.

– Какой-то мужчина, не знаю, как его зовут. Пришел с полчаса назад, поинтересовался, на месте ли ты. Я ответила, что нет, но скоро будешь, вот он и сидит в кафе, ждет. Капучино с одним кусочком тростникового сахара, – закончила она почти шепотом, будто сообщала великую тайну.

Уилла сделала пару шагов к столикам, но, увидев Колина, на мгновение замерла, а потом резко отвернулась. Колин улыбнулся.

– Ты чего? – оторопела брюнетка. – Кто он?

– Колин Осгуд, – ответила Уилла.

– Родственник Пэкстон?

– Родной брат.

– Его ты тоже ненавидишь? – уточнила девушка.

– Перестань. Я их вовсе не ненавижу, – пробормотала Уилла.

А затем развернулась и направилась к Колину. Подойдя к его столику, она вежливо улыбнулась:

– Вижу, до дома ты добрался вполне благополучно.

– Да. И хотел бы извиниться за вчерашнее. Давно я так не уставал. – Колин потер глаза. Ему казалось, будто он превратился в бесплотную оболочку: попробуй дотронуться – и рука встретит лишь воздух. – Я бы, наверное, мог еще несколько дней проспать.

– Тогда почему ты сидишь здесь?

– Остановился подзарядиться на дорожку. – Он поднял стаканчик с крышкой, в который Рейчел налила ему капучино. – Очень хороший капучино, между прочим.

– Уезжаешь? Так скоро? – Лицо Уиллы про-светлело.

– Нет, я здесь на месяц, не меньше. А сейчас направляюсь в Эшвилл.

– Тогда не буду тебя задерживать. – Она повернулась, чтобы уйти.

– А я совершенно не тороплюсь. Посиди со мной. – Колин указал на свободный стул.

Уилла ответила выразительным взглядом прищуренных глаз – прекрасных светло-серых глаз, – потом выдвинула стул и села.

– Итак, ты хозяйка этого магазина?

– Да, верно, – медленно произнесла девушка, словно ожидая какого-нибудь подвоха. – Как я вчера и говорила. Поэтому нашел ты меня именно здесь.

Колин покрутил головой по сторонам. Он насчитал на Нэшнл-стрит еще два магазина спортивных товаров, но заведение Уиллы выгодно выделялось на их фоне, предлагая одежду и инвентарь из экологически чистых материалов. К тому же здесь имелось кафе, благодаря которому это место пропитал завораживающий аромат жареных кофейных зерен.

– Ты, наверное, без ума от пеших прогулок и ночевок на свежем воздухе?

– Отнюдь. Последний раз я была в Катаракте в третьем классе, на экскурсии. Обожглась ядовитым плющом.

– Значит, ты обожаешь кофе?

– Не больше, чем все остальные. – Уилла кивнула на девушку за стойкой. – Кафе – это царство моей подруги Рейчел.

Колин был явно сбит с толку.

– Тогда почему ты держишь магазин спорттоваров и кафе в придачу?

Уилла пожала плечами:

– Несколько лет назад, думая, чем бы заняться, я познакомилась с человеком, который хотел продать эту лавочку.

– И ты решила ее купить.

– Ну да.

Колин подался вперед, положив локти на стол. Почему, собственно, ему это так интересно? Увидев ее вчера на Джексон-Хилл, он испытал прилив истинного счастья, словно нашел себе наставника. Подумать только, та самая Уилла Джексон, автор легендарных розыгрышей, о которых на редких встречах одноклассников все вспоминали в первую очередь! Поразительно, сколько времени и терпения она тратила на то, чтобы осуществить некоторые из них, тщательно продумывая каждую мелочь. Никогда им не забыть ее последней проделки: она включила пожарную сигнализацию, а после того как все высыпали на улицу, развернула, стоя на крыше, здоровенный плакат, на котором было написано: «Уилла Джексон – Шутник средней школы Уоллс-оф-Уотер».

– Я наблюдал за тобой, когда полицейские выводили тебя из школы, – ты ничуть не стыдилась. Казалось, ты чувствовала облегчение, будто даже рада была, что тебе больше не надо притворяться.

Я вообще думал, что теперь ты навсегда уедешь из города.

В глазах Уиллы вспыхнуло раздражение. И Колин понял почему. Лучше бы ему заткнуться и не лезть не в свое дело.

Но ему хотелось сказать еще кое-что.

– Это из-за тебя я решил пойти собственной дорогой, вместо того чтобы возвращаться сюда и делать то, чего от меня ожидали, – признался он.

Уилла смотрела на него в изумлении.

– Никто и подумать не мог, что ты способна провернуть такое, а ты им всем показала, что зря остальные тебя недооценивали. И я подумал тогда: раз уж Уилла может быть храброй, то и я смогу.

Я многим обязан тебе. То есть Шутнику.

Уилла покачала головой:

– Эта, как ты выразился, «храбрость» очень дорого обошлась. Меня оштрафовали, чуть не исключили из школы и запретили приходить на выпускной. А моего отца уволили, потому что для своих приколов я тайком брала у него ключи, да еще и раскопала пароли к его компьютеру. Не нужно романтики, Колин. Здорово, что ты нашел свое место в жизни, и я рада, что смогла как-то этому поспособствовать, но и я тоже нашла свое, нравится тебе это или нет.

Она действительно думает, что ее отца уволили? Но ведь тот сам ушел. Это случилось на глазах у Колина, так что сомнений быть не могло. С чего бы отцу скрывать от дочери правду?

Уилла воспользовалась его молчанием и встала.

– Мне нужно работать, – сказала она. – Спасибо за приглашение на юбилей.

– Не передумала? – спросил он, тоже поднимаясь.

– Нет, не передумала. И – предвосхищая твой следующий вопрос – нет, я не собираюсь затевать грандиозный розыгрыш.

– А жаль. Им всем не помешала бы хорошая встряска.

Намеренно не глядя на него, Уилла пошла прочь:

– Это без меня.

Колин смотрел ей вслед. До его ноздрей долетел ее аромат – свежий и сладковатый, напоминающий запах лимона.

– Хочешь, сходим куда-нибудь? – неожиданно произнес он. Промолчи он сейчас – никогда бы себе этого не простил.

Уилла застыла как вкопанная. Девушка за стойкой подняла голову и с улыбкой взглянула на них. Уилла развернулась и быстро подошла к нему.

– Мне кажется, это не очень хорошая идея, – сказала она тихо.

– Я спросил, хочешь ли ты куда-нибудь со мной сходить, а не о том, что тебе по этому поводу кажется.

– А что, есть разница?

– Зная тебя, Уилла, могу предположить, что определенно есть – и огромная.

– Ты собираешься пробыть здесь всего-навсего месяц. Думать, будто за столь незначительный отрезок времени можно убедить меня в том, что я сбилась с пути истинного, довольно самонадеянно, если не сказать смехотворно.

Вот это прозорливость. Похоже, она его раскусила.

– Это вызов?

– Ничего подобного.

Улыбаясь, он направился к двери:

– Увидимся, Уилла.

– Вряд ли я захочу снова тебя видеть, Колин.

А вот это уже самый настоящий вызов.

Все-таки он был прав: прежняя Уилла не исчезла бесследно.

– Ты где это пропадал прошлой ночью? Мама так истерила, – сказала брату Пэкстон.

Она только что вернулась из своего офиса в информационном центре. Вся благотворительная деятельность семейства Осгуд лежала на ее плечах. Они с братом, не сговариваясь, одновременно подъехали к дому. Как все близнецы, они многое делали одновременно, и Колину этого иногда не хватало.

– Прости. – Колин приобнял сестру, и они вместе вошли в дом. – Я не хотел вас расстраивать. Просто нечаянно заснул кое у кого на диване.

– «Кое у кого»? Звучит интригующе, – заметила Пэкстон.

На кухне Нола, их экономка, готовила ужин. Нола жила с ними так долго, что представить «Ореховую рощу» без нее было уже невозможно. Ее семья из поколения в поколение трудилась на Осгудов. Превыше всего Нола ценила хорошие манеры и уважительное отношение, и Колин с Пэкстон никогда не жалели для нее ни того ни другого.

А она, в свою очередь, разрешала им внеурочные перекусы. Колин как раз собрался поискать в холодильнике что-нибудь съедобное, но экономка неодобрительно цыкнула на него и, вручив молодому человеку только что испеченную булочку, со словами «А ну кыш отсюда!», вытолкала их с Пэкстон из кухни.

Они вышли во дворик. Пэкстон остановилась и, повернувшись к брату, сказала:

– Ну же, выкладывай! На чьем диване ты заснул?

Колин надкусил булочку и улыбнулся сестре. Та улыбнулась в ответ. Ладно, можно и подождать.

Последний раз они встречались почти год назад, когда Пэкстон бросила все свои дела и на целую неделю примчалась к нему в Нью-Йорк, чтобы отпраздновать их тридцатилетие. С каким восторгом она говорила ему, что наконец-то съезжает из «Ореховой рощи»! Но ее планы рухнули – ясное дело, не без вмешательства матери, – и теперь он видел перед собой совсем другую Пэкстон. Без слов было понятно, что она глубоко несчастна. Сестра была по-прежнему красива и держалась превосходно, но слишком уж долго она прожила в этом доме, вместе с родителями, слишком добросовестно тащила на себе все атрибуты истинной Осгуд, и в этом отчасти был виноват сам Колин. Он бросил ее здесь совсем одну. Они оба знали, чего от них ждут, но Пэкстон смирилась, а он – нет. Он жаждал вырваться отсюда и самостоятельно создать нечто совершенно новое, доказав им всем, что на Уоллс-оф-Уотер свет клином не сошелся. Для него, но не для Пэкстон.

– Ну пожалуйста, – снова начала сестра, – расскажи!

Колин сдался:

– Я заснул на диване у Уиллы Джексон.

Пэкстон не на шутку удивилась:

– Вот уж не знала, что вы с ней друзья.

– А мы и не друзья, – сказал Колин, дожевывая булочку. – Вчера я увидел, как Уилла кое-что обронила. Пришлось заскочить к ней домой, чтобы вернуть потерю. Я и не думал, что так зверски устал. Представляешь, как она удивилась, обнаружив, что я уснул прямо у нее на диване!

Пэкстон рассмеялась. Давненько он не слышал смеха сестры.

– Расскажи-ка мне об Уилле, – попросил Колин. Сложив руки на груди, он прислонился спиной к бетонному заборчику.

Пэкстон поправила висевшую на плече сумку, с которой никогда не расставалась.

– А что ты хочешь знать?

– У нее, кажется, в жизни тишь да гладь?

– Ну да. – Пэкстон склонила голову набок. – А почему тебя это удивляет? Ее семья всегда так жила.

– Но ведь Уилла – Шутник средней школы Уоллс-оф-Уотер, – упрямо произнес Колин.

– И что?

Пэкстон не понимала, к чему он ведет, да Колин и сам не очень-то это понимал.

– Я думал, она более… общительная, что ли…

– Колин, она выросла. Как и все мы.

Он рассеянно провел ладонью по щеке:

– А почему Уилла упорно не желает идти на этот прием? Ее бабушка ведь стояла у истоков Женского общественного клуба.

– Не знаю. Я написала Уилле, что хотела бы поздравить ее бабушку, но ей как будто все равно.

– Она и в реставрации «Хозяйки» участвовать отказалась?

Пэкстон смутилась:

– Я ее и не спрашивала.

– Ты хочешь сказать, что не просила Уиллу Джексон поискать у себя старые снимки или вырезки из газет, не приглашала ее в особняк, чтобы она своими глазами увидела, что делается внутри? Ты серьезно?

– В архивах оказалось достаточно фотографий. И вообще, Колин, при чем тут Уилла? Мне нужно было нанять подрядчиков и дизайнеров, отыскать редкие старинные вещи, ради которых, между прочим, пришлось прошерстить все аукционы и распродажи. Как, интересно, Уилла могла мне с этим помочь?

В ответ Колин лишь пожал плечами. Его взгляд скользнул по дворику, к бассейну, домику возле него, а затем устремился к расстилавшемуся впереди пейзажу: куда ни посмотри – кругом горные вершины и леса; издалека казалось, будто это дети играют под огромным зеленым одеялом. Все-таки ни одно место в мире не сравнится с Уоллс-оф-Уотер. И часть его, Колина, души до сих пор где-то здесь, вот только где именно? Хорошо бы знать наверняка, чтобы отправиться туда и вернуть себе эту недостающую часть.

– Просто я думаю, что с твоей стороны было бы любезно привлечь к реставрации Уиллу.

– Да я тут просто из кожи вон лезла! – взорва-лась Пэкстон. – А вот тебя все это время где-то носило! Ты умудрялся помогать мне на расстоянии, по телефону да по почте! Даже ради такого случая не счел нужным приехать!

– А ты хотела, чтобы я лично присутствовал при реставрации? Я не знал. – Он нахмурился, потрясенный реакцией сестры, и, помолчав, добавил: – Никто не просил тебя браться за это в одиночку, Пэкс.

В прошлом году Пэкстон позвонила Колину и изрядно его удивила, попросив заняться ландшафтом Джексон-Хилл. Но отказать сестре он не мог. Она собиралась посадить возле «Хозяйки Голубого хребта» большое дерево, и после длительных по-исков Колин нашел подходящий дуб. Он рос недалеко от места стройки, и в скором времени ему грозила гибель. Дерево было огромное и очень старое, и его пересадка требовала скрупулезной подготовки. Пришлось нанять арбористов, и Колин в течение года звонил им каждую неделю, проверяя, все ли правильно рассчитал. Наконец он взял отпуск на целый месяц, чтобы лично

контролировать завершающий этап подготовки к торжественному открытию «Хозяйки», а это, по мнению Колина, было настоящей жертвой с его стороны, ведь он уже лет десять не оставался дома на столь длительный срок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Walls of water – стены из воды (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/allen_sara/hranitel-persikov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить